

Е.Е. ЗАВЬЯЛОВА
(Астрахань)

КОМИЧЕСКОЕ В «СВОБОДНОЙ ФАНТАЗИИ» Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА

Опровергается мнение, согласно которому творчество Ф.Н. Горенштейна характеризуется откровенно пессимистическим настроением. В качестве материала взят поздний роман писателя «Летит себе аэроплан» (1994). Делается вывод о том, что Ф.Н. Горенштейн часто обращается к приемам и формам, характерным для еврейской смеховой традиции, в числе коих называются ирония, самокритичность, склонность к парадоксальным суждениям, «религиозный» и черный юмор.

Ключевые слова: Ф.Н. Горенштейн, комическое, еврейский юмор, ирония, сарказм, языковая игра, алогизм

Большинство исследователей сходятся во мнении, что стиль Ф.Н. Горенштейна тяжелый и тягучий, «страдание, обида и злоба – отправная точка» его произведений [5, с. 9], а преобладающие чувства – страх, отчаяние, безысходность [2, с. 199]. В центре внимания писателя – «изображение личности, страдающей и саморефлексирующей, измученной, подобно персонажам Достоевского, внутренними противоречиями и комплексами <...>, ее трагической судьбы в жестоком мире зла и насилия» [3, с. 449]. По словам Ш. Маркиша, «Горенштейн – самый мрачный из писателей своего времени, законченный пессимист и мизантроп. Ужасный этот мир в подавляющей части произведений Горенштейна населен уродами и чудищами, заставляющими вспомнить даже не Питера Брейгеля Старшего, а Иеронима Босха» [4].

Чтобы опровергнуть суждения о Ф.Н. Горенштейне как человеке сугубо «трагического склада» [9, с. 4], а о его прозе как квинтэссенции депрессивных, упаднических настроений, обратимся к одному из последних опубликованных произведений писателя – роману «Летит себе аэроплан». Первоначально «свободная фантазия по мотивам жизни и творчества Марка Шагала» – так определил ее жанр автор – представляла собой сценарий, написанный для режиссера А.Е. Зельдовича, при его участии. Позднее текст обрел более «литературный» вид, хотя и не утратил «кинематографических» черт.

Проблематика романа о знаменитом художнике, как обычно у Ф.Н. Горенштейна, глубока и серьезна, охват событий масштабен. *Кровавая бойня Первой мировой войны, апокалипсис русской революции и Гражданской войны, зверства сталинского террора, горячий бред гитлеризма**, – так автор в предисловии определяет исторический план повествования. И все же это очень жизнеутверждающее произведение. Причина тому кроется в образе главного героя. Ф.Н. Горенштейн рассуждает: *Быть оптимистом в раю не только смешно и глупо, но еще и бесплодно – в том смысле, что плод попросту съедается, чему учит печальная история прародителя Адама. Но быть оптимистом в аду, вырастить яркие плоды среди адских котлов – это особая удача, подарок судьбы. Поэтому во времена пессимизма, нытья и разочарований так интересны не только плодоносные творения Шагала, но и его долгая плодоносная 98-летняя жизнь, счастливо подытоженная тихой, как спокойный сон, смертью.*

Общую светлую тональность роману помогают придать формы и приемы комического, выявлению которых посвящена данная статья.

1. В начале «свободной фантазии» события происходят преимущественно в еврейском квартале города Витебска. Речь героев первой части произведения интонационно близка к варианту русского языка с субстратом языка идиш. См.: *Это-таки сумасшедший мир; Я тебя поздравляю, Эля, <...> по-моему, твой сын весь умом в тебя; Я о нем немножко** позаботилась!* Говор, близкий к одесскому, вызывает у жителей СНГ ассоциации с рассказами И.Э. Бабеля, сатирическими миниатюрами А.И. Райкина, М.М. Жванецкого, Р.А. Карцева и, соответственно, настраивает на юмористический лад. Передаче национально характерной ритмики, звуковой организации речи в романе способствуют также слова на иврите и идише (*хамец, седер, гой, хухем, шабес* и т.д.).

2. Комический эффект создают также неожиданные тропы, в которых сравнива-

* Примеры из «свободной фантазии» Ф.Н. Горенштейна (выделены курсивом) приводятся по источнику [1].

** На наш взгляд, слово *немножко* весьма показательно для еврейского юмора, поскольку по-детски просто передает тончайшие нюансы переживаний и смягчает прямоту высказываний. См. современный анекдот: – *Моя, как ты относишься к своей жене? – Как к нашей власти. Немножко боюсь, немножко люблю, немножко хочу другую.*

емые явления максимально далеки друг от друга, принадлежат разным смысловым сферам. В качестве примера можно привести вопрос одной из эпизодических героинь «фантазии», Хаи, обращенный к мужу: *А на что мы будем жить? На твою перхоть?!*. Или ее экспрессивную характеристику мыслительных способностей супруга: *Даже у лошади Хаима-биндюжника в заднице больше ума, чем у тебя в голове*. Смешными процитированные высказывания становятся в результате карнавальной логики перемещения сверху вниз (деньги – перхоть, человек – лошадь, голова – зад и т.д.).

3. Комическое действие производит и неправильное употребление слов, логическая несовместимость соединяемых образов. Шаггал описывает, как *пронзительно-яркие животные будут покачиваться над городом, вздуваемые ветром революции*. Луначарский (еще один исторически реальный персонаж из романа Ф.Н. Горенштейна) называет Христа *вождем пролетариата*. Комиссар ЧК Виленский заявляет, что действия общества «Поалей Цион» – это *сионизм, освеженный в советских условиях, покрытый позолотой покорности*. В последнем примере характерные нарушения языковой нормы в сочетании с клишированной тропической репрезентацией отражают косность суждений персонажа и шире – лицемерие пропагандистских установок.

4. В основе комического почти всегда лежит несоответствие. В плане совмещения в одном контексте слов и выражений, которые принадлежат к различным стилистическим уровням, показателен диалог типографского рабочего Пантелея Пантелеевича с женой: – *Опять напился, – говорит Ньюша, выходя в ночной рубашке, на которую наброшен цветастый платок, – опять квашеной капусты нажрался, свинья*. – *<...> О женицны, разорители домашних очагов! – Уйди... Нажрался квашеной капусты и пристаешь... – Ньюша, я оскорблен в своих чувствах законного супруга. – Отстань, выродок!* Ньюша употребляет разговорную и ненормативную лексику, ее муж – книжные слова, риторические обороты. Такое общение придает фрагменту комедийные черты.

5. Смех часто вызывает неправильно понятое слово. Коммерсант Шустер принимает дягилевскую постановку по мотивам стихотворения Т. Готье «Видение Розы» за *балет из еврейской жизни*, решив, что в название вынесено иудейское имя: *Как же, Роза, помнишь в Витебске Розу Князевкер?*.

Шагал предлагает жене квартирного хозяина позировать. Та живо реагирует: *Ой, что вы, Марк Захарович, а если мой аспид узнает? Он Колю, студента, избил*. Симпатичный юноша разъясняет, что хотел бы ее нарисовать; это удивляет и разочаровывает Ньюшу.

6. Игра на сопоставлении значений слова также способствует созданию комического смысла. Мать Шаггала намеревается идти смотреть, как их *Марк будет встречать царя*. На самом деле ее сына лишь включили в делегацию гимназистов для торжественного преподношения государю цветов.

Иван Петухович отзывается о месяце, добившемся внимания его натурщицы Сони, как о *порядочном человеке*, поскольку тот предлагает девушке за интимное свидание двести франков. Аналогичный прием: Аминнодав характеризует публичный дом на Рю Шабанэ как *очень приличное заведение*.

Когда Эля заявляет, что мать нагуляла байстрюка на стороне, маленький Зюся уточняет: *А на какой стороне нагуляла?*. На вопрос Вальдена, скучает ли Шаггал в Париже по родине, тот отвечает, что ему *очень не хватает витебского сыра и масла*, и тут же, подумав про обстоятельства пребывания в чужой стране, добавляет: *впрочем, французского сыра и масла мне тоже не хватает*.

7. Зачастую комическое звучание тексту сообщает его *двуплановость*: один план содержания лежит на поверхности и выражен вербально, другой скрыт. Главным героем романа Ф.Н. Горенштейна является по-детски наивный человек (это соответствует действительности, признано биографами Шаггала). Оттого многие эпизоды построены на двойном видении ситуации: глазами персонажа – и глазами читателя.

Жена Пантелеймона восхищается тем, как *умственно* говорит ее постоялец об эротике грусти и боли, признается, что ее *прямо ноги не держат*. Женщина садится на кровать Марка, которая жалобно скрипит под тяжестью Ньюшиного тела.

На вопрос Шаггала о том, нравится ли отцу его этюд, Захария, помявшись, спрашивает, платят ли ему за это деньги, и намекает, что неплохо было бы подумать *о приличной специальности*.

Получив возможность наконец-то обзавестись в Париже новым гардеробом, Марк выбирает *фиолетовый пиджак, малиновый жилет, зеленые брюки и желтые туфли*. «По-моему, прекрасно», – говорит он, вертясь перед зеркалом. Комментарии отсутствуют: выводы о но-

вом костюме автор предоставляет сделать самим читателям.

Во время перестрелки между крестьянином Петровским и кравшими его картошку Шагал вместе с участковым укрывается в яме; раздается взрыв бомбы, художник стонет, держась за голову: *Я, кажется, ранен*. Милиционер успокаивает: *Это картошечкой в лоб попало*.

8. Серьезные рассуждения персонажей порой не соответствуют логике внешних обстоятельств, что приводит к частичной дискредитации содержания высказывания. Это также вызывает у читателя улыбку. Ночью на постоялом дворе два приятеля, Локшинзон и Шустер, вынуждены подняться с постелей, чтобы заняться поиском досаждающих им насекомых. Во время охоты на блох и клопов Аминодав пытается убедительно изложить Зузе свои грандиозные финансово-промышленные планы.

Луначарский, намереваясь остановить драку между рабочими с боен Вожижара и художниками «Улья», начинает произносить пламенный монолог об общности эксплуатируемых буржуазией пролетариев умственного и физического труда. Речь прерывается сильным ударом палкой по спине оратора.

В Наркомпросе проходит репетиция. Артист бывшего императорского театра Шуваловский играет охваченного страстью к собственной дочери короля, артистка Остроумова – предмет его вожделения. Буфетчица вносит две миски, полные гречки. Голос «короля» меняется, он невольно поглядывает *через плечо возлюбленной на дымящуюся кашу*. Остроумова произносит: *Боже мой, вы обезумели, о Боже, страшно! Мне страшно*. Луначарский встревоженно глядит на актера: *Вам нехорошо?*. Тот указывает дрожащим пальцем на сидящего рядом художника: *Этот человек, <...> ест мою кашу*.

В поезде по дороге домой Шагал в разговоре с попутчицей-француженкой силится разобрататься в странностях своего отношения к отечеству, заключая рассуждения выводом: *Я люблю Россию*. В этот момент кто-то с крыши вагона пытается крючком вытащить его чемодан. Марк резюмирует: «Это уже мои родные места», – после чего хладнокровно срывает вещи с крючка вора.

9. Юмористический эффект достигается с помощью описания заранее срежиссированных ритуальных действий персонажей, в ходе которых герои стараются делать вид, что не знают их назначения либо последо-

вательности. Примером может служить «просветительский» диалог родителей с сыном на Пасху: *Зуся, ты, естественно, спросишь своего отца: почему он так ест? – «Спрашивай, Зуся», – тихо произносит Хая. «Папа, почему ты так кушаешь?» – спрашивает Зуся. «Разве ты не помнишь, как я учил тебя спрашивать, Зуся?» – говорит Эля*.

Или подробности свадебной церемонии, когда вслед за обязательным для присутствующих оплакиванием невесты, в котором участвуют даже маленькие дети, наступает долгожданный момент раздачи угощений. Отец жениха провозглашает: «Дорогие гости, хватит плакать!» – и все моментально вытирают слезы. *Высоко в воздух взлетает конфетти, цветные обрезки бумаги. Свадебные музыканты играют веселую польку. Официанты из кофейни Гуревича разносят вино, рыбу, конфеты*.

10. Весьма специфической частью еврейской традиции является смелый «религиозный» юмор (вернее, юмор на религиозную тему). К подобным шуткам можно отнести сравнение *дети набрасываются на сладости, как древние евреи в Синайской пустыне на манну небесную*, а также «христианизированный», но по характеру близкий оборот *в воскресенье французский художник Конюдо пригласил меня позавтракать в кафе, и я жду воскресенья Конюдо сильнее, чем набожный христианин воскресения Христа*.

Над богобоязненностью ортодоксальных хасидов автор иронизирует, описывая, как подвыпивший русский унтер-офицер, от души поздравляя горожан с еврейской Пасхой, крестится, а те *закрывают глаза ладонью*. Позднее рисуется сходная картина: приехавший в Петербург отец Шагала *закрывает глаза, отворачивается*, чтобы не видеть, как Степан, сосед Марка по комнате, ест привезенную Захарией мацу с салом.

Грустный эпизод: в польском шинке два приятеля-еврея подвергаются унижениям пьяной компании, обстреливающей «нехристей» объедками еды. Все огрызки почему-то попадают в Зусю, заманившего друга в питейное заведение. Его спутник Аминодав насмешливо комментирует: *«Видишь, Зуся, все предопределено Богом»*.

11. «Стандартная» реакция попавшего в беду человека подчас контрастирует с ее трезвой оценкой кем-либо другим, что нередко делает курьезной самую печальную ситуацию. Загорается домик ювелира Локшинзона – страшное происшествие. Из строения с маленькой

девочкой на руках выбегает отец семейства. Он кричит: «*Пожар! Сы брент!*». За ним следует держащая младенца супруга. Она обращается к мужу: «*Эля, идиот, перестань кричать. Люди не слепые, они видят огонь*». Здравомыслие и скепсис женщины, проявляющиеся в столь бедственной ситуации, придают сцене трагикомическое звучание, которое усиливается посланным ею проклятьем: «*Чтоб ты горел, перестань кричать!*». Автоматически произнесенное – стереотипное – ругательство слишком хорошо соответствует обстоятельствам, что снова создает эффект «уместной неуместности» [10, с. 235].

Далее события развиваются сходным образом. Из соседнего домика выбегает жена портного Двойра, также с младенцем на руках (обратим внимание на повтор, еще один распространенный прием комического). В очередной раз слышится несвоевременное, но очень разумное замечание: «*Хая, зачем ты ему желаешь гореть, ведь он уже горит*». На что Хая еще более разумно отвечает: «*Разве это он горит?! <...> Это я горю... Он надел свой лапсердак и выбежал... Голодранец, что у него есть гореть?..*». Затем здесь же, перед пылающими стенами, разворачивается дискуссия о способах неогнеопасной борьбы с клопами и тараканами, тоже неслучайная, но совершенно неуместная. Наконец, завершается сцена обсуждением новости: к жене Шагала идет повитуха. «*Нашла время рожать. Рожает во время пожара*», – вновь очень рассудительно отвечает Хая.

12. Исследователи часто отмечают, что еврейский юмор бывает невеселым, саркастическим, а порой и черным. «Это даже не гоголевский “смех сквозь слезы”, а слезы сквозь смех или смех вместо плача», – пишет Л.Н. Столович [6, с. 8]. Судя по автобиографии, подобного типа остроты были характерны для М. Шагала (весьма показательны в этом плане сравнение «коробка (красок. – Е.З.), в которой тубики болтались, как детские трупики», и горький рассказ художника о выбивании денег в Наркомпроссе: «Но начальник мило улыбается и мямлит: “Да-да... конечно... но, видите ли... смета... подписи... печати... Луначарский... зайдите завтра”. Это длится уже два года. Наконец я получил... воспаление легких» [7]). «Оригинальная язвительность» [8] отличала и Ф.Н. Горенштейна – об этом говорит Ю. Векслер.

В нескольких фрагментах романа «Летит себе аэроплан» авторская ирония доходит до сарказма. Старший лейтенант Василевич по-

добострастно попросит начальника: «*Поберегли бы себя, Соломон Хаимович, без отдыха работаете*». Подчиненный жалеет уставшего следователя: Виленский без перерыва ведет в застенках НКВД допросы-избиения, мстит своим бывшим недругам. Позднее черный воронок приезжает за самим Виленским. Тот не открывает людям в плащах. С криком «Да здравствует коммунизм!» и с портретом Сталина в руках комиссар кидается вниз головой с балкона пятого этажа (отметим в этом эпизоде сочетание гротеска с парадоксом).

13. «Сдвинутость» советского бытия писателю помогают передать алогизмы. Примечательно описание профсоюзного собрания витебских парикмахеров, которое проводится *без отрыва от производства*: клиенты-содокладчики с красными бантами на груди сидят в креслах, а мастера с красными бантами стригут их, бреют и моют головы. Обсуждается, в частности, поведение товарища Душкина Иуды, который во время бритья *сует свои грязные пальцы клиенту в рот**. В той же манере ведется рассказ о цементном бюсте Маркса, который был установлен на вокзальной площади, но *превратился в бесформенную кучу* и теперь пугает лошадей и извозчиков. Еще более фантазмагорично звучит сообщение о концерте *балалаечного оркестра еврейских коммунистов в пользу профсоюза работников кожи*.

14. Незлобный смех вызывают курьезные ситуации. С героями романа «Летит себе аэроплан» часто случаются недоразумения. Коммерсант Шустер, чтобы оказать поддержку Шагалу, покупает у него за пятьдесят франков первую попавшуюся в мастерской картину, даже не посмотрев, что на ней изображено; впоследствии выясняется, что свернутый рулон – это пустой холст. При встрече со знаменитым художником Л. Бакстом провинциал из Витебска радушно приглашает нового знакомого в *замечательный бордель*, соблазняя его тем, что на стенах этого заведения *висят очень веселые картины*.

Возвратившись из Парижа, Марк прямоком с вокзала приходит к Розенфельду сватать его дочь. Ювелир, не выслушав юношу, вглядывается в едва знакомое лицо и сообщает, что помощь нуждающимся они оказывают через синагогу. «*Впрочем, возьмите рубль*», – добавляет будущий тесть.

На создание «свободной фантазии» серьезным образом повлияла книга М. Шагала

* Здесь способ именованного героя, внимание к «низменным» явлениям действительности коррелирует с гоголевским подходом к материалу.

«Моя жизнь»: Ф.Н. Горенштейн позаимствовал конкретные факты из биографии художника, его рассуждения об искусстве и даже включил в роман описания «настоящих» снов своего героя. Однако в плане художественного воплощения смешного писатель действовал абсолютно самостоятельно. Он использовал целую систему равноуровневых средств, позволивших реализовать комический потенциал. Было бы неверно абсолютизировать роль национальной составляющей комического модуля художественности, но во многом эта авторская система строится на чертах, характерных для еврейского юмора: опоре на языковую игру, склонности к парадоксальным суждениям, преобладании иронии, самокритичности и др.

Список литературы

1. Горенштейн Ф.Н. Летит себе аэроплан. Свободная фантазия по мотивам жизни и творчества Марка Шагала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-chagall.ru/library/letit-sebe-aeroplan.html> (дата обращения 10.02.2017).
2. Кондаков И.В. Горенштейн Ф.Н. // Русские писатели XX века: биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву-АМ, 2000. С. 199–201.
3. Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. М.: Флинта, 2012.
4. Маркиш Ш. Плач о мастере [Электронный ресурс] // Иерусалимский журнал. 2002. № 13. URL: <http://www.antho.net/jr/13/markish.html> (дата обращения 15.02.2017).
5. Новикова Л. Умер Фридрих Горенштейн // Коммерсантъ. 2002. № 38. С. 9.
6. Столович Л.Н. Предисловие // Евреи шутят. Еврейские анекдоты, остроты и афоризмы о евреях, собранные Леонидом Столовичем. Тарту – СПб.: Dorpat, 2003.
7. Шагал М. Моя жизнь / послесл. и коммент. Н.В. Апчинской [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-chagall.ru/library/Moja-zhizn1.html> (дата обращения 10.02.2017).
8. Шарый А. «Артдокфест»: Горенштейн, Вайль и другие: интервью с Ю. Векслером и др. [Электронный ресурс] // Радио Свободы. 2015. 8 дек. URL: <http://www.svoboda.org/a/27414069.html> (дата обращения 10.02.2017).
9. Юрский С. «Говорить “меня обидели” – нет, не буду» // Невское время. 2014. 21 янв.
10. Monro D.H. Argument of Laughter. Melbourne: Melbourne University Press, 1951.

* * *

1. Gorenstejn F.N. Letit sebe ajeroplan. Svobodnaja fantazija po motivam zhizni i tvorcestva Marka Shagala [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.m-chagall.ru/library/letit-sebe-aeroplan.html> (data obrashhenija 10.02.2017).

2. Kondakov I.V. Gorenstejn F.N. // Russkie pisateli HH veka: biograficheskij slovar' / gl. red. i sost. P.A. Nikolaev. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Randevu-AM, 2000. S. 199–201.

3. Literatura russkogo zarubezh'ja (1920–1990): ucheb. posobie / pod obshh. red. A.I. Smirnovoj. M.: Flinta, 2012.

4. Markish Sh. Plach o mastere [Jelektronnyj resurs] // Ierusalimskij zhurnal. 2002. № 13. URL: <http://www.antho.net/jr/13/markish.html> (data obrashhenija 15.02.2017).

5. Novikova L. Umer Fridrih Gorenstejn // Kommersant#. 2002. № 38. S. 9.

6. Stolovich L.N. Predislovie // Evrei shutjat. Evrejskie anekdoty, ostroty i aforizmy o evrejah, sobrannye Leonidom Stolovichem. Tartu – SPb.: Dorpat, 2003.

7. Shagal M. Moja zhizn' / poslesl. i komment. N.V. Apchinskoj [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.m-chagall.ru/library/Moja-zhizn1.html> (data obrashhenija 10.02.2017).

8. Sharyj A. «Art dokfest»: Gorenstejn, Vajl' i drugie: interv'ju s Ju. Vekslerom i dr. [Jelektronnyj resurs] // Radio Svobody. 2015. 8 dek. URL: <http://www.svoboda.org/a/27414069.html> (data obrashhenija 10.02.2017).

9. Jurskij S. «Govorit' “menja obideli” – net, ne budu» // Nevskoe vremja. 2014. 21 janv.

The comic in “free fantasy” of F.N. Gorenstein

The article rebuts the view that the works by F.N. Gorenstein are characterized by pessimistic attitude. The late novel “The Flying Airplane” (1994) is under consideration. It is concluded that F.N. Gorenstein often refers to the techniques and forms characteristic of the Jewish humor tradition, among which there is irony, self-criticism, the tendency to paradoxical judgments, “religious” and black humor.

Key words: *F.N. Gorenstein, the comic, Jewish humor, irony, sarcasm, language pun, alogism.*

(Статья поступила в редакцию 20.03.2017)

